

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Вэй Синьи**

**на тему: «Проблема нравственного самосовершенствования в поэзии
Н. А. Некрасова»**

по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов
Российской Федерации»

Актуальность диссертационного исследования Вэй Синьи не вызывает сомнений, потому что, как справедливо указано в диссертации, «проблема аксиологии некрасовской поэзии, системы ценностей, лежащей в ее основе, является одной из наиболее важных в современных исследованиях» (см. дис. на с. 3). Действительно, в современном некрасоведении наметилась положительная и плодотворная тенденция к глубокому рассмотрению *философской* основы творчества поэта, его идеологических устремлений в более широком аспекте, нежели в русле сложившейся в определенное время традиции – с точки зрения «революционно-демократической» позиции, предполагающей целенаправленное переустройство «несправедливого» и «нездорового» социума. Актуальность подтверждается также правомерным заявлением Вэй Синьи о том, что «общая слабая **разработанность** данной темы» (см. дис. на стр. 3) побуждает к стремлению более основательно изучить некрасовскую аксиологию, что может уточнить природу моральных ценностей поэта, их отражения в его реальной жизни и творчестве. Аксиология (изучающая вопросы, связанные с природой ценностей, с их отношениями к социальным и культурным факторам и между собой, учитывающая структуру личности) действительно позволяет исследователю постичь наиважнейшие составляющие художественного мира Некрасова.

Степень обоснованности научных положений представляется мне достаточно высокой, так как в них убедительно показано, что результат

исследования определяется системным подходом к анализу полного корпуса некрасовских поэтических текстов, использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов, опорой на авторитетные научные концепции поэтики Некрасова и литературной аксиологии.

На основании п. 3.8 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова можно утверждать, что выводы, сформулированные в диссертации, справедливы, им, безусловно, присуща **научная достоверность**, которая подтверждается апробацией многих положений исследования публикациями и выступлениями на международных профессиональных конференциях. **Цель и задачи** сформулированы Вэй Синьи логично, и материал диссертации выстроен соответственно им.

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что соискатель **впервые** столь подробно и доказательно обратился к трудам Шеллинга, Фихте и Гегеля применительно к творчеству Некрасова и, что самое главное, показал «сложную и насыщенную богатым содержанием поэтическую рефлексия» (см. дис. на стр. 7), вызванную восприятием влияния «сложного Белинского» на «сложного Некрасова» (как известно, многолетняя традиция предписывала упрощенное восприятие «неистового Виссариона» со всеми исходящими отсюда последствиями). Также **впервые** в культурном (в частности, в поэтологическом), социальном и биографическом планах пересмотрены некоторые значительные законы динамики некрасовской идеологии, например: устоявшиеся, но уводящие от истины выводы «об эволюции некрасовской системы ценностей в буквальном смысле, как о поэтапном движении, включающем в себя периоды, «эпохи», радикально отличающиеся от предшествующих и последующих» (см. дис. на стр. 8). В целом диссертация носит «революционный» характер в том смысле, что в ней доказательно опровергаются заслоняющие, уводящие от Некрасова положения, в частности восприятие его как поэта «воспитанного», «сформировавшегося в духе христианской морали». Показано, что «это не

мешало ему быть художником ценностно ориентированным» (см. дис. на стр. 6), рассматривающим нравственные базовые истины (которым грозит искажение в современном ему мире) как важнейшее условие существования личности. Стоит особо отметить, что предпринятый анализ стихотворений (сопоставительный аспект рассмотрения *ролевой* и *неролевой* лирики с точки зрения отношения персонажей с различным «интеллектуальным багажом» к сходным жизненным проблемам) проведен высоко профессионально. Следует, безусловно, согласиться с автором диссертации в том, что в поэме «Мороз, Красный нос», в стихотворениях «Вино», «Гробок» и «Еду ли ночью по улице темной...», «Утро» открываются общие черты «мира людей». Уточнены и даже открыты некоторые значительные законы, определяющие основы некрасовской поэтики: место иронии в стихотворениях, черты некрасовской характерологии относительно его «слабого человека» («В деревне»).

I глава «Эволюция философско-этических взглядов Белинского и его круга», посвящена «реконструкции» философских взглядов выдающегося критика и «кружковцев», конечно, унаследованных Некрасовым и переведенных им с языка *понятий* на язык *образов*. Отмечу основательное изучение философских работ Ф. Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» и «Философия искусства», ставших, как справедливо отмечено, отправной точкой для размышлений Белинского, Станкевича и других кружковцев.

Отмечено, что по-шеллинговски спокойно, созерцательно, в духе «равнодушной к добру и злу природы» выдержаны такие некрасовские шедевры, как «В дороге», «На улице», «В деревне», «Путешественник», «Утро». Сама подчеркнута маркированная манера (перечисленные «списком» несчастья) указывает на возможность равнодушно взирать на социальное зло. Здесь соискатель отмечает, со ссылкой на работы М. С. Макеева, различные варианты оценки уровня «равнодушия» лирического или ролевого героев, в таких произведениях, как «О погоде» или «Балет». Верно отмечено, что сатирически воспринимается автором созданный им представитель субъектной сферы,

ставший в какой-то степени жертвой (учитывая деформацию личности), «не отделяющий и не способный отделить себя от описываемой им же ужасной действительности» (см. дис. на стр. 52).

Дало эстетически значимый эффект (при анализе стихотворений «На Волге», поэмы «Саша») обращение к «фихтеанскому» эскапизму, к идее игнорирования социальной несправедливости, мысли ухода во внутренний мир, к сосредоточению исключительно на самосовершенствовании, о чем идет речь в § 3 главы I. Как справедливо показано в рецензируемом исследовании, и соблазнительный уход в мир природы, и в уютный мир детства для Некрасова невозможен уже потому, что такая манера коррелирования с реальной жизнью личностной позиции чужда этому социально активному человеку и поэту: нельзя *жить*, но «окормляться» лишь иллюзиями.

В диссертации также рассматривается третий этап развития взглядов российских гегельянцев: «философское принятие действительности, как необходимой и разумной хотя бы в качестве этапа движения к всеобщей гармонии» (см. дис. на стр. 63). Показано, как в стихотворении «Кузнец», в «Колыбельной песне (Подражание Лермонтову)» изображается идеология «либерального демократа», способного к компромиссу с властью для того, чтобы принести пользу *благородному* делу на благо Отчизны. Итак, сделан справедливый вывод, о том, что тип «якобинца салонного», принимающего действительность ради «высокого дела» – одна из единиц некрасовской характерологии, действующая в лирике поэта в сложном взаимодействии с другими типами.

Во II главе «Проблема самосовершенствования в этической системе образованного человека в поэзии Некрасова» уточняются те нравственные ценности, которые действительно находят отражение в лирической системе писателя: к ним относятся свобода, равенство, любовь («как свободное чувство, включающее в себя все ценности сразу» (см. дис. на стр. 41)), просвещение (в

широком смысле), честность перед собой и «перед истиной». Интересным, важным и требующим дальнейших исследований представляется мне положение (выдвинутое автором диссертации) о том, что необходимо сосредоточиться на отрефлексированных Некрасовым образцах социального зла и несправедливости: крепостное право, бедность, рекрутчина. «Шеллинговская» объективность в конечном итоге оказывается «недостойным» типом отношения ко злу, однако при этом в поэзии Некрасова находят отражение именно шеллингианские настроения (не приводящие к самосовершенствованию). Эта мысль в диссертации доказана на материале стихотворений «В дороге», «На улице», «В деревне», «Путешественник», «Утро». Справедливо показано, что концепированный автор не комментирует точку зрения «равнодушного» персонажа, оставаясь «чистым художником», призывающим читателя разобраться в представленных явлениях действительности.

Рассмотренная в диссертации *невозможность* принятия «фихтеанского» эскапизма на пути к самосовершенствованию (на материале стихотворения «На Волге» и поэмы «Саша») представляется мне очень плодотворной: отмечается, что стихотворения, отвечающие данному философскому положению, были весьма популярны, то есть важны современниками, но представленный *герметизм* не был абсолютно органичен для поэта. Гегелевское «принятие действительности» также убедительно и тонко рассмотрено на примере «Колыбельной песни (Подражание Лермонтову)»; некрасовский текст явно отвечает предпринятому научному филологическому подходу. Справедливо показано, что выбор «аскезы», ведущей к нравственной чистоте, отвергающей компромисс («Памяти Добролюбова» и «Пророк», «Русские женщины»), вызывает восхищение Некрасова-художника как высшая степень самосовершенствования, но для биографического автора принятие такой позиции не представлялось возможной.

Параграф 6 II главы (**«Человек чистого сердца и больной совести. Исповедь как путь очищения и самосовершенствования в поэзии Некрасова»**) логично подводит итог поискам поэта на пути к моральному очищению и обретению опоры, что

поддержано анализом стихотворений «Еще скончался честный человек...», «О Муза, я у двери гроба...», Утомись, моя Муза задорная...».

Особенно ценно, с моей точки зрения, то, что в рассмотренной главе весь анализ и выводы сделаны так, что становится ясно следующее: Некрасов прошел сложный путь постижения идеи нравственного совершенствования, и это происходило, очевидно, не *поэтапно*, а в процессе соединения, синтеза различных социальных, культурных, психологических и, конечно, философских данностей.

В III главе «Путь самосовершенствования человека из народа в поэзии Некрасова» исследуются проблемы нравственного поиска людей «не книжной» культуры, а выходцев из народа, и это представлено на материале стихотворения «Огородник», поэм «Кому на Руси жить хорошо», «Мороз, Красный нос». Некрасовские поиски «зон», где сосредоточились общие ценности для народа и интеллигенции, автор диссертации представляет в достаточной сложном виде: учитывается и осознание невозможности примитивного уравнивания людей из разных социальных сфер, и понимание общности представлений о Свободе (которая важнее самосохранения) для «мужика» и интеллигента, признается недостижимость для образованного человека та простота решений, свойственная человеку из «низов».

Порадовал оригинальный анализ стихотворений «Вино» и образа Дарьи из поэмы «Мороз, Красный нос» с точки зрения *следов* эскапизма, а также «шеллингианского» способа отношения к жизни ходоков из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Соискатель делает осторожный и справедливый вывод о том, что изображаемое поэтом русское крестьянство находится в том же проблемном поле, что и интеллигентное общество, общие проблемы решаются и сходным образом, и по-разному. Такой бережный подход к некрасовскому «тексту» соотношения народ/интеллигенция» дает ценные результаты.

Как и всякое новаторское, глубокое исследование, диссертация, представленная Вэй Синьи, побуждает задать вопросы:

1. На стр. 51 значится, что равнодушие к жизненному «злу», в некрасовской лирике преобразовалось в «эпическое спокойствие» и в «высокую иронию». Хотелось бы услышать объяснение этого термина («высокая ирония»), поскольку есть высказывание Белинского об «иронии жизни», а есть разработанная исследователями (например, Н.Я. Берковским и др.) категория «романтической иронии». Поскольку молодой Некрасов отдал дань романтизму (пусть в качестве эпигона и эклектика), то проблема использования зрелым поэтом *иронии* представляется мне важной.

2. В III главе («**Путь самосовершенствования человека из народа в поэзии Некрасова**») совершенно справедливо отмечено, что просто поставить знак равенства между способным рефлексировать человеком из демократических низов и интеллигентом поэту не позволяла его художественная интуиция, жизненный опыт, адекватное отношение к проблеме детерминирования личности средой. Однако сама заявленная в заглавии главы проблема (с соответствующим анализом некрасовских стихотворений и поэм) побуждает признать, что человек из народа основывается на простых этических нормах, «завидных» и недостижимых для образованного человека. Не читая Гегеля, Шеллинга и Руссо, крестьянин или простой горожанин, в отличие от интеллигента, ясно ощущает свое место в социуме, а также вполне органично пребывает в поле действия христианской морали. В связи с этим хотелось бы услышать, как (с точки зрения художественной логики и этических представлений Некрасова) можно рассмотреть упомянутое Вами стихотворение «Огородник»? Как развивались бы события, окажись на месте «огородника лихого» интеллигент? Как поэт, создавший данное произведение, мог бы соотнести народный «нравственный универсум» и «нравственном универсум» образованного человека? Или фабульная ситуация исключительно «народная»?

В качестве замечания отмечу, что в диссертации мне, как преподавателю и научному руководителю диссертантов, недоставало в обосновании методологии данного исследования обозначения конкретных *методов*, например, сравнительного, социологического, психологического, которые явно были применены, но не названы. При этом было указано, что логику диссертации во многом скорректировали труды Б. О. Кормана, В. В. Гиппиуса, В. Е. Хализева, Л. Я. Гинзбург и других выдающихся ученых. Но поскольку отсутствуют четкие правила на этот счет, то данное замечание можно считать дискуссионным. Второе замечание, также не обязывающее Вэй Синьи с ним согласиться: глава I, при всей глубине и точности философских выводов, при удачном (справедливом) рассмотрении их вкуче с некрасовской поэтикой вызывает ощущение некоего подобия конспектов работ Шеллинга, Фихте и Гегеля. Хотя иной композиции этой главы автор этого замечания не видит.

Вместе с тем, указанные замечания ничуть не умаляют значимости научного сочинения. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, работа оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Вэй Синьи заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры теории, истории

и методики преподавания русского языка
и литературы
гуманитарного факультета
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный
педагогический университет»

Шпилевая Галина Александровна

подпись

15.01.2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – «Русская литература»

Адрес места работы:

394043, РФ, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86, корп. 3

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение

высшего образования

«Воронежский государственный
педагогический университет»,

гуманитарный факультет, кафедра теории,
истории и методики

преподавания русского языка и литературы

Тел.: +7 (473) 2551478; e-mail: vspihist@rambler.ru

С научными публикациями Г.А. Шпилевой можно ознакомиться на сайте:
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=483659&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

Подпись сотрудника Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждение высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»,
удостоверяющего подпись

Шпилевой Галины Александровны

удостоверяю: кадровый работник

/И. С. Полякова/

15.10.2023 г.